

В тот год ему исполнилось восемнадцать, а другому — двадцать восемь. Один был холост, другой — давно женат. Один — блестящий студент архитектурного факультета, другой — его мудрый и эрудированный наставник. Их жизни, казалось, должны были стать параллельными прямыми, которым не суждено пересечься.

Но вмешался случай. Обычная ошибка, секундное касание пера на бумаге — и завязался узел чувств, который не удавалось распутать целых десять лет.

Гун Сино, прагматичный технарь, никогда не жаловал историю. Но однажды, по чистой случайности, его взгляд скользнул мимо нужной строки: он перепутал историю архитектуры с линейной алгеброй. Не задумываясь, он поставил изящную галочку в пустом квадрате бланка.

Лишь получив расписание, Сино осознал оплошность. Он был раздосадован: как можно было так обмишулиться?

Позже он думал, что, возможно, такова была воля небес. Им просто суждено было встретиться.

Нехотя подхватив учебники, он поплелся в лекционный зал. Выбрав место подальше от кафедры, на задних рядах, Сино принялся ждать звонка, мечтая лишь о том, чтобы занятие поскорее закончилось. Под толстым томом по истории он предусмотрительно спрятал учебник по сметному делу.

— Добрый день, студенты. Меня зовут Ян Ицин, я ваш преподаватель. Рад приветствовать вас на курсе истории архитектуры и надеюсь, что наше совместное обучение будет приятным.

Густой, магнетический голос заставил Гун Сино поднять голову. Он поправил очки и наконец разглядел мужчину, стоявшего за кафедрой.

На вид преподавателю было около тридцати. Высокий открытый лоб, густые брови вразлёт и удивительно ясные, сияющие глаза. Он стоял у края стола — стройный, подтянутый и удивительно статный. В каждом его движении чувствовалась благородная мягкость, а взгляд, скользивший по аудитории, располагал к себе с первых секунд.

— Начнем с того, что я хотел бы услышать ваше мнение. Расскажите, какой формат лекций вам нравится? Не стесняйтесь, говорите свободно. Я человек простой и формальностей не требую, так что можете даже не вставать.

Этот галантный и обаятельный мужчина мгновенно вызвал оживление. По залу пополз шепоток, а парочка смелых студенток не удержалась от вопроса:

— Учитель, а вы женаты?

Ян Ицин мягко улыбнулся. За годы преподавания он привык к подобному вниманию и

научился отвечать, не краснея и не смущаясь.

— Моему сыну уже два года.

Аудитория разочарованно загудела:

— Учитель, не обманывайте нас!

Гун Сино заворуженно смотрел на его лицо, и в груди вдруг что-то болезненно и сладко екнуло. Преподаватель, которого он видел впервые в жизни, вызвал в нем необъяснимое чувство. Это было странное, внезапное и непреодолимое влечение.

В тот миг сердце юноши дрогнуло.

Вся его преданность и восхищение теперь проявлялись на лекциях. Гун Сино всегда приходил заранее, стараясь занять место в первом ряду, чуть правее центра — оттуда профиль Ян Ицина был виден лучше всего.

Оказавшись с ним лицом к лицу, Сино неизменно заливался краской.

Он слушал затаив дыхание, записывал каждое слово. Ян Ицин был человеком блестящим: он умел превратить даже скучную теорию в захватывающее повествование. Несмотря на то что предмет был факультативным, студенты расходились после пар с чувством легкой неудовлетворенности — им хотелось слушать его еще и еще.

Каждое занятие Сино проводил одинаково: подпирал подбородок левой рукой, а правой сжимал ручку. Он следил взглядом за каждым шагом преподавателя, ловил малейшие интонации голоса, а мысли его были заняты только этим человеком.

Иногда Ян Ицин оборачивался и, встретившись с ним взглядом, понимающе улыбался. Сино тут же смущенно опускал голову, делая вид, что увлечен конспектом.

Он завел особенную тетрадь в кожаном переплете, которую раньше берег для чего-то важного, и теперь каллиграфическим почерком переносил туда свои записи. Перо скользило по белой бумаге, и в каждом штрихе сквозило чувство, которое он не смел высказать вслух.

Иногда в процессе письма он замирал, представляя образ учителя, и невольно улыбался.

Строчка за строчкой, страница за страницей — его сердце окончательно капитулировало. В обычной тетради теперь хранилась тайна: робкое, едва распустившееся чувство подростка.

Гун Сино перестал ходить в студенческую столовую. Каждый день в обеденный перерыв он, выждав нужное время, отправлялся в столовую для преподавателей. Он пристраивался в очереди за Ян Ицином, оставляя между ними лишь несколько человек — ровно столько, чтобы не привлекать внимания, но видеть каждое движение наставника.

Сино нарочно выбирал те же блюда, и тогда обычный обед казался ему исполненным особого смысла, будто они делили трапезу за одним столом.

В учебе он стал еще усерднее, особенно когда дело касалось истории архитектуры. Он часами пропадал в библиотеке, выискивая редкие данные — и всё ради того, чтобы написать безупречное эссе.

По вечерам, после отбоя, он прятался под одеялом с фонариком. В слабом свете Сино бережно перелистывал книги, которые рекомендовал Ян Ицин. Он откладывал деньги с обедов, чтобы выкупить их в личную коллекцию.

Проходя мимо кабинета учителя, Сино всегда замедлял шаг. Он замирал на мгновение, украдкой наблюдая, как Ян Ицин проверяет работы, и поспешно уходил, едва тот поднимал голову.

Все работы, проверенные рукой наставника, Сино хранил в отдельной папке как величайшую ценность. В свободное время он перечитывал комментарии: волевые, размашистые и уверенные иероглифы на бумаге бередили его душу.

Чем сильнее становилась тоска, тем меньше он смел приближаться. Гун Сино ни разу не зашел в кабинет, чтобы задать вопрос или попросить совета. Любые академические трудности он преодолевал сам, зарываясь в справочники.

Рядом с Ян Ицином он терялся, краснел и заикался.

Учитель и не подозревал о буре чувств, бушевавшей в душе студента — о его восхищении, любви и тихой печали. Однако он не мог не заметить редкого рвения Сино в учебе. Ян Ицин не раз ловил себя на мысли: «Какой талантливый и трудолюбивый юноша. Его ждет большое будущее!»

Он не знал, что всё это усердие питалось лишь его аурой.

К концу семестра результаты Гун Сино по истории архитектуры оказались самыми высокими на курсе.

Ян Ицин специально разыскал его, чтобы поздравить:

— Гун Сино, прими мои поздравления. Ты стал лучшим на факультете.

— Спасибо, — Сино не смел поднять глаз, боясь, что вспышка чувств выдаст его с головой.

— Знаешь, в честь такого успеха я готов исполнить одно твое желание, — добавил Ян Ицин, которому искренне симпатизировал этот тихий и прилежный студент.

Сино вскинул голову, ошеломленный:

— Желание?

— Именно. Подумай, чего бы ты хотел из того, что в моих силах, — подбодрил его учитель.

Помолчав немного, Гун Сино набрался смелости:

— Учитель, не могли бы вы завтра вечером поужинать со мной?

— Ужин? Что ж, с удовольствием. И угощаю я! — легко согласился Ян Ицин на эту невинную просьбу.

На следующий вечер он сдержал обещание. Ян Ицин хотел пригласить его в изысканный ресторан, но Сино отказался.

Вместо этого он привел учителя к уличному лотку неподалеку от университета. Там они заказали по большой миске обжигающе горячего супа с рисовой лапшой и золотистым жареным яйцом сверху. Сино ел с жадностью, а закончив, удовлетворенно отложил палочки.

— Тебе так нравится это блюдо? — Ян Ицин с улыбкой наблюдал за его аппетитом.

— Очень.

Ведь когда ешь с любимым человеком, любая еда кажется божественной.

Расплатившись, Ян Ицин спросил:

— Куда теперь? Сегодня я в твоем распоряжении. Такой шанс выпадает раз в жизни, так что думай хорошенько.

— М-м-м... — Сино прикусил губу и указал на дорогу впереди. — Учитель, давайте пойдём туда!

На широкой лестнице, ведущей к мемориалу академии, они встали друг против друга. Сино сжал кулаки:

— Еще раз! Камень, ножницы, бумага!

Сино выбросил «ножницы», а Ян Ицин — «бумагу».

— Ха-ха, учитель, вы снова проиграли! — Сино в азарте перепрыгнул через две ступеньки и, обернувшись, сияя улыбкой, воскликнул: — Если так пойдет и дальше, мы скоро перестанем видеть руки друг друга!

Ян Ицин со смехом покачал головой:

— И охота тебе в это играть?

— В детстве я очень хотел, но мне было не с кем, — Сино притопнул ногами — на улице заметно похолодало. Он пытался согреть руки дыханием.

Ян Ицин снял свои перчатки и бросил ему:

— Надень, а то обморозишь пальцы.

Сино поймал их. Серые вязаные перчатки еще хранили тепло рук учителя. Он натянул их на покрасневшие пальцы и замер, ощущая себя так, словно Ян Ицин сам греет его ладони.

Тепло от рук мгновенно разлилось по всему телу, согревая само сердце.

В новом семестре Гун Сино выбрали для участия в программе обмена и отправили на учебу в Великобританию.

Ян Ицин пришел проводить его. В качестве прощального подарка он вручил ему закладку с вырезанным кленовым листом.

— Учись прилежно и береги себя. Тебя ждет великое будущее.

Сжимая в руке подарок, Сино не проронил ни слова. Он резко развернулся и зашагал к выходу на посадку.

Ему было невыносимо расставаться, и горькие слезы душили его изнутри.

По праздникам он неизменно получал от Ян Ицина электронные письма. Всего несколько кратких фраз, но они согревали его вдали от дома. Там, на чужбине, Ян Ицин оставался его единственной опорой, ради которой стоило двигаться дальше.

Прошли годы. Гун Сино вернулся на родину.

Он утратил юношескую робость, но сохранил прежние чувства.

Увы, время неумолимо. Всё изменилось.

Он и его наставник так и остались двумя параллельными прямыми, которым не дано пересечься.

Десять лет. Сколько таких десятилетий отмерено человеку?

Гун Сино продолжал болезненно хранить в душе эту безнадежную любовь — пока она окончательно не увяла.

<http://bllate.org/book/17488/1693045>